

Осень. Боль почти физическая от расставания с зеленою, летом. Беспомощность природы перед смертью. Жалобы мироздания на несправедливую судьбу. Депрессняк, в общем.

И каждый год именно осенью я, обычный юрист, беру отпуск и с поисковым отрядом отправляюсь на поля Славы искать останки солдат, погибших в Великую Отечественную и до сих пор числящихся пропавшими без вести.

Мне кажется, что вся моя жизнь здесь и прошла, под дождем, усыпляющим, как угарный газ, в этих раскисших от воды раскопах, в жидкой глине, в песчаных осыпях, в болотах и перелесках, глухих и полысевших.

В общем, почти так и есть. Я сюда повадилась выезжать еще студенткой. Здесь познакомилась со своим мужем, тоже студентом, но историко-архивного факультета. Можно сказать, раскопки нас и повенчали, и сына нам подарили. Венчание, правда, вышло нескладным: мы через год развелись.

Странно, бывший муж Игорь, такой зрелый и ответственный, когда речь идет о стране, об истории и предках, — в семье оказался инфантильным, безалаберным. Патриота воспитывать у нас научились, а семьянина — нет.

Кстати, мы с Игорем до сих пор работаем в одном поисковом отряде, и вполне благополучно. На этой почве мы не конфликтуем.

Сыну Васье — тринадцатый: возраст засранцев, самый невыносимый возраст. Я в этот раз парня впервые на раскопке взяла. Романтика, песни у костра вечером, военные железяки. Мальчишке должно понравиться. А он истерит.

Лес — брошенный дом. Птицы — в эмиграции. Звери — в коме. Ушли в четвертое измерение.

Дом, трухлявый дом этот лес. Бытие разваливается на глазах. Так будут выглядеть человеческие города, когда последний их житель канет в Лету.

Безграничная отрешенность вокруг.словно цивилизация заканчивается, сворачивает манатки.

До грядущих новых миров.

До зарождения запасного человечества.

Которое опять научится стрелять само в себя?..

Продырявленный мир. А в земле — продырявленные когда-то, изрешеченные пулями останки. Тела и листья вперемешку — и по одной цене.

Люди не дороже палого листа.

Наверное, мне всегда хотелось это опровергнуть, оспорить, переформатировать. Может, поэтому я с такой страстью раскопками занимаюсь? Я и сама не знаю.

Сын меня из-за этого и пилит.

— И чего мы сюда приперлись? Добро бы деньги платили. А то одно ж разоренье. Все: палатки, металлоискатели, лопаты — сами купили. Дорогу, и ту, из своего кармана оплачиваем. Зачем? Сидели бы дома! Нет, в холод, в грязь лазаем тут по топям, как кикиморы. Ты опять простудишься, будешь соплями греметь. Дома пустой холодильник. Устанем, как собаки, а мне в понедельник в школу. Мертвым все равно, где лежать.

Это я Ваську вырвала с корнем из Интернета и не дала резаться в очередную игру. После такого пацан способен зудеть сутками.

— Хватит бухтеть, как старый дед. Рой, давай.

— Нет, ради чего все это? — надсаживается светлый отрок. — Какая нам от этого выгода? Объясни, чего мы мучаемся?!

Продвинутое поколение. На ходу подметки рвет. Своего не упустит.

— Ты скоро договоришься до того, что не только труд поисковиков никому не нужен, но и подвиг этих солдат бессмыслен.

— А может, и так. Что они тут защищали: сталинизм? ГУЛАГ? А я считаю, если страна плохо ко мне относится — не стоит ее отстаивать.

Да и теперь все то же самое. Вспомни, как тебя по сокращению уволили, и тебе пришлось уборщицей целый год вкалывать. Много тебе государство помогло в трудную минуту? Или бабушка — как она раком болела, а ее никто лечить не хотел, пока ты взятку не дала.

...Слушайте, а страшно ведь.

Может, это возрастное.

А если нет? Если он таким и останется?

Ну, какими словами ему объяснить?

— Мам, — мгновенно переключается Васька, — ребята у костра байки травили о том, что по ночам здесь слышна далеко-далеко-далеко немецкая речь. Что белые тени здесь бродят, вроде привидений. Это правда?

Парень думает, что это забавно. Бесплатное шоу.

— Я голосов не слышала и теней никаких никогда не видала, врать не буду, — безапелляционно отрезала я.

— У-у, — разочарованно завыл сын.

На самом деле я кое-что недоговариваю.

Ведь то, чем мы тут занимаемся, — все-таки тяжело. Попробуй-ка смотреть в глазницы человеческих черепов регулярно. Мягко говоря, неудобно себя чувствуешь.

Встречаться со смертью всегда муторно.

Я думаю, каждый из нас на подсознательном уровне защищается, как умеет. Кто-то воображает голоса и верить в это начинает. Раз голоса — значит, не все после смерти заканчивается. И, когда мы в землю ляжем, можно надеяться: какая-то часть нашего «я» тоже уцелеет.

Я до такого не дошла. Но — живой же человек — и у меня бывали странные ощущения.

Словно я начала угадывать настроения деревьев, облаков, кочек.

«И чего вы тут все елозите, — чудится мне иногда ворчанье лесных обитателей, — чего егозите? Не троньте детей. Мы их еле убаюкали, едва уgomонили. Пусть спят. Они устали после боя», — и веткой по рукам — хлест!

Но некрепшая подростковая психика...

— Голосов я не слышала, — повторила я вслух с нажимом. — И никогда не верила в привидения и в предчувствия.

А на следующий день случилась странная вещь. Ваське доверили металлоискатель и обозначили маршрут.

А сына вдруг потянуло в сторону, качнуло даже. Что-то его позвало. Зазвенело.

В земле нечто было. Стали копать — наткнулись на две фляги. Под ними нашелся и хозяин.

Он, видно, отстреливался из воронки, и его осколками накрыло. Скелет лежал в легкомысленной позе птенца, который учится летать. Или птеродактиля, который вот-вот пустится плясать вприсядку. Противоречие между ужасом смерти и каким-то разухабисто веселым положением тела делало находку еще страшней. Бойца потом то ли взрывом засыпало, то ли своим некогда было хоронить почеловечески, и труп лишь слегка забросали землей прямо в яме. Там он и пролежал больше семидесяти лет.

Для Васьки это был его первый поднятый солдат.

Мы вместе с сыном собрали останки в мешок. Васька понес его сам в соседнюю деревню на погост.

И все время молчал.

А уж потом мне в голову пришло: почему фляги было две?

Потрясла одну, вторую... Во второй что-то было. На бумагу по звуку похожее.

Самое главное в таких случаях не открывать сосуд в полевых условиях. Если там, и правда, какие-то документы, то, пролежав семьдесят лет в земле, на воздухе они тут же рассыпаются в прах, пропадают. Надо везти записи в специальную лабораторию. Так есть шанс что-то узнать о человеке.

Повезло! Во фляге, как в бутылке, брошенной в море с берега необитаемого острова потерпевшим кораблекрушение, — оказалось послание.

Мы узнали имя погибшего: Прохоров Сергей. Был даже адрес, где тот жил в Москве до войны, у Рогожской заставы, рядом с Андронниковым монастырем.

А дальше — несколько страниц то ли предсмертного послания, то ли дневника, без начала и конца, как будто бой начался внезапно, и солдат прервался, когда писал, и поспешно спрятал бумаги во фляжку.

«...что бы ни случилось, сохранию я жизнь или нет, — я все делаю для тебя.

И для страны.

Я — патриот непутевой Родины.

В тридцать седьмом расстреляли моего отца, якобы английского шпиона. Все вранье. Это был самый порядочный человек из всех, кого я знал.

И вот я воюю за государство, которое так с нами обращается.

Я был в Англии вместе в отцом, в детстве, когда он работал там. За границей сытнее, безопаснее, комфортнее. У нас хуже. Но люблю я ЭТУ страну.

Почему Родина творит с нами такое, а мы все равно любим ее?

Мазохисты мы, что ли?

Но есть что-то необъяснимое.

Названия: жимолость, череда, полынь, ромашка, лебеда, подорожник.

Родина, это когда даже имена былинки нравятся. Звучат, как музыка, как волшебство.

Это когда сны пахнут грибной прелью. Ели, как зеленые ерши, плавают в тумане. Тишина говорит больше всех речей на свете.

Мне в городе нечасто приходило в голову, что я люблю Родину.

А здесь, в лесу — да.

И это не в уме.

В каждой клетке.

Это какое-то тепло внутри. И даже самая холодная осень бессильна его погасить.

Душа вибрирует. Словно струна в сердце. И именно тут она звучит так, что не услышать невозможно, нельзя это заглушить.

Или мы любим не эту страну. А шанс, что она когда-нибудь станет лучше. Ту страну, в какую она позже превратится. Мать, у которой все ее дети счастливы. Только надо ее сохранить. Дать ей время измениться к лучшему...»

Во фляге были еще стихи, несколько, посвященные жене Ане.

Корявые и не очень складные.

Но человек писал их под разрывами бомб и снарядов. Где же еще говорить правду о любви?

Мы с вездесущим Васькой через архивы разыскали семью солдата. Жена Анна давно умерла. Дочери уже было больше семидесяти.

Когда она приехала на похороны отца, плакала.

— Счастье, что дожила. Много лет мать и меня попрекали, что мы родственники предателя, дезертира. Мама знала, что такого быть не могло, чувствовала, что отца уже нет в живых. Но как докажешь? В последние годы она молилась о том, чтобы правда об отце открылась. Чтобы все знали: я дочь не труса, а героя. Чтобы я могла гордиться им.

Осенью я снова вернусь в лес. Вместе с сыном, который собирается ехать туда теперь не из-под палки. Сам.

Нет, цивилизация не сгинула. Погибшие спасли ее ценой собственной жизни.

И да, павшим уже все равно.

А мне, а всем нам?..

Там, в лесу, я чувствую себя дома, как будто вернулась из путешествия — к самой себе.

Что бы мы ни искали — мы ищем себя.

И вокруг опять будут река, березы в росчерках и письменах, как рукописи, которые не горят. Лес, черно-оранжевый, как георгиевская лента. Лес цвета Победы.

А еще будут заря. Дети. Жизнь.

Все то, что мы получили в наследство от погибших. Самые важные сокровища на земле.

